

В.Й. Мансикка

ТРУДЫ ПО РЕЛИГИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

УДК 94(367)
ББК 63.3(2)41
М23

Редакционная коллегия:

А.И. Алиева — доктор филологических наук;
В. Я. Петрухин — доктор исторических наук;
С.М. Толстая — доктор филологических наук

Рецензенты:

В.Л. Кляус — доктор филологических наук;
А.Л. Налепин — доктор филологических наук

В.Й. Мансикка

М23 Труды по религии восточных славян / В.Й. Мансикка. — М.:
ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2016. — 688 с.

ISBN 978-5-00091-182-2 (ФОРУМ)

ISBN 978-5-9905539-8-9 (НЕОЛИТ)

Книга В.Й. Мансикки «Религия восточных славян» дополнена приложениями с важным и малодоступным критическим обзором исследований по славянскому язычеству Е.В. Аничкова, а также работами самого В.Й. Мансикки по славянской заговорной традиции и другими трудами по религии восточных славян.

**УДК 94(367)
ББК 63.3(2)41**

ISBN 978-5-00091-182-2 (ФОРУМ)
ISBN 978-5-9905539-8-9 (НЕОЛИТ)

© Подготовка текста, вступительные
статьи, комментарии А.И. Алиева,
В.Я. Петрухин, С.М. Толстая, 2014
© Издательство «ФОРУМ», 2014
© Издательский дом «НЕОЛИТ», 2014

Есть особый знак в том, что труд моего отца академика Академии Финляндии В.Й. Мансикки, написанный им более 80 лет назад во время его пребывания в России, увидел свет в Москве. Сердечно благодарю Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Российский Гуманитарный научный фонд.

Архитектор

Микка Модестус Мансикка

HABENT SUA FATA LIBELLI

В этом собрании трудов переиздается монография известного финского слависта, действительного члена Академии Финляндии, профессора Гельсингфорсского университета В.Й. Мансикки (Viljo Johannes Mansikka, 1884–1947) «Религия восточных славян. I. Источники», написанная в первой четверти XX в.

Славистам хорошо известна эта работа, изданная на немецком языке в 1922 г. в серии «Folklore Fellows Communications»¹. Книга получила высокую оценку современников². И в наши дни она фигурирует в новейших изданиях как один из авторитетных источников по восточнославянской мифологии и религии³.

¹ Die Religion der Ostslaven von V.J. Mansikka. I. Quellen // FF Communications. № 43. Suomalainen Tiedekatemia. Helsinki, 1922. Репринт: 1967.

² Кагаров Е. [Рец. на] V.J. Mansikka. Die religion der Ostslaven I. Quellen. FFCN° 43. Helsinki 1922 // Этнография. 1926. № 1–2. М.–Л., 1926. С. 365–367, см. в приложении.

³ Петрухин В.Я. Е.В. Аничков и язычество Древней Руси // Е.В. Аничков. Язычество и Древняя Русь. Репринтное издание. М.: Индрик, 2003. С. 399.

В течение нескольких лет мне посчастливилось работать в Государственном архиве Финского Литературного общества, в Отделе рукописей и редких книг Славянской библиотеки Университета г. Хельсинки и в основном фонде Славянской библиотеки, которая обладает уникальной коллекцией российских изданий XIX — начала XX в.

В те же годы зав. Отделом фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук член-корреспондент РАН В.М. Гацак предложил мне заняться совместными разысканиями в архивах и библиотеках г. Хельсинки материалов по теме «Финско-русские научные фольклористические связи конца XIX — начала XX вв.». Тогда-то я узнала от В.М. Гацака об архиве профессора В.Й. Мансикки. Когда в 1995 г. мы начали работать с этим архивом, он еще не был обработан: на специальных тележках вывозились огромные картонные ящики, в которых были сложены разнообразные рукописные материалы.

Коллекция В.Й. Мансикки включает 20 объемистых папок (Coll. 143.1.–143.20), в которых хранятся разные документы, письма к ученому (официальные и частные) и рукописи различных его трудов, правда, далеко не всех. Здесь нет, например, рукописей его книг «Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen» и «Житие Александра Невского», нет рукописей статей, опубликованных до 1918 г. в финских и российских научных изданиях. Вероятно, архив В.Й. Мансикки составили материалы, привезенные им из России в 1918 г., и те, что собрались у него с 1920 г. и до самой кончины в 1947 г. Изучая архив ученого в поисках материалов, касающихся российско-финских фольклористических связей, я, разумеется, обратила внимание на рукопись на немецком языке «Die Religion der Ostslaven. Von V.J. Mansikka. I.Quellen» (Coll. 143.3), которая составила четыре отдельных папки (№ 1 — с. 1–71; № 2 — с. 72–156; № 3 — с. 157–249; № 4 — с. 250–339).

Тут же обнаружилась следующая за ними в архивной коллекции небольшая (40 стр.) рукопись, которая включает предварительные части русской рукописи «Религии восточных славян». Впоследствии оказалось возможным установить, что они были затем включены (после незначительной доработки и редактуры) в беловую русскую рукопись этого труда. Существование рукописи на немецком языке, представляющей собою наборный экземпляр книги, изданной в 1922 г., было совершенно логичным. Но в следующей папке (Coll. 143.4) обнаружилась рукопись, состоящая из 270 страниц на русском языке, написанная рукою профессора В.И. Мансикки начисто и явно подготовленная к изданию по тем правилам, которые были приняты в России в первой четверти XX в. Рукопись не имеет общего заглавия, данного автором, и в описи архива ученого она обозначена как «Археологический материал» (по названию ее первого раздела).

Внимательное чтение этой рукописи и сравнение ее, страница за страницей, с немецкой рукописью и с книгой, изданной в 1922 г., убедило в том, что в архиве хранятся два варианта одной и той же работы на русском и немецком языках.

Естественно, возник вопрос: какая из них была написана первой? Построчное сопоставление обеих рукописей и книги не оставило сомнений: первым был написан русский вариант⁴. Но к тому времени, когда работа над русской рукописью была завершена, автору, вероятно, стало ясно, что издать ее в ближайшее время на русском языке вряд ли удастся: после обрете-

⁴ Правда, в нем нет «Предисловия» (в немецкой рукописи оно есть, причем заключительная его часть сначала была написана по-русски). Отсутствует и раздел «Дополнения» (его нет и в немецкой рукописи). Немецкая рукопись оказалась значительно больше по объему не только потому, что почерк переводчика гораздо крупнее, чем почерк В. Мансикки, но еще и потому, что почти 2/3 примеров из русских летописей давались и в оригинале, и в немецком переводе; только к концу работы в немецкой рукописи и в книге нередко приводится лишь немецкий перевод цитат (возможно, это было вызвано лимитом объема книги).

ния Финляндией независимости оборвались все связи финских ученых с российскими, скончался академик А.А.Шахматов, так много сделавший для публикации работ В.Мансикки в российских изданиях.

Убедившись в невозможности издать свой труд по-русски и получив надежду, что книга может увидеть свет в серии FFC, В.Й. Мансикка (свободно владевший немецким языком) приступил к подготовке ее немецкого варианта.

Немецкий перевод первого раздела — «Archäologische Material» (с. 1–16 немецкой рукописи), как и «Предисловие», написан рукою В.Й. Мансикки. Но дальше вся немецкая рукопись написана другим почерком — очевидно, переводчика книги О.Хакмана⁵. Перевод делался с русского текста, о чем свидетельствуют не только вырезанные из русской рукописи и вклеенные в немецкую страницы с примерами на латыни, польском, немецком языках, но и написанные по-немецки поверх русского текста рукою В.Й. Мансикки имена русских исследователей, русских исторических деятелей, летописцев или мифологических персонажей. В некоторых случаях В.Й. Мансикка сам переводил цитируемые в работе примеры из летописей. Нумерация страниц немецкой рукописи сначала даже повторяла русскую: раздел «Археологический материал» имел собственную пагинацию, а раздел «Летописи» начинался с 1-й страницы, но затем была сделана сплошная нумерация страниц.

Анализ немецкой рукописи убеждает в том, что перевод выполнялся переводчиком при самом активном участии В.Й. Мансикки. Автор не просто тщательно сверял перевод О. Хакмана с оригиналом, нередко поправлял и редактировал

⁵ Oskar Hackman (1868–1922) — фольклорист, автор работы «Die Polyphemsage in der Volks-Überlieferung (Academic thesis)». Helsingfors, 1904, написанной под руководством К. Крона, а также ряда исследований, посвященных шведскому фольклору. См.: Finnisch Folklore Research 1828–1918. By Jouko Hautala, Professor of Finnisch and comparative folklore research Helsinki University. Helsinki, 1968. P. 142.

его, но и продолжал работу над текстом исследования. Это выразилось и в уточнении ссылок на цитируемые труды, а в ряде случаев — в новом изложении важных для автора формулировок.

Издание книги «Die Religion der Ostslaven» в 1922 г. трудно переоценить: результаты многолетней работы ученого были включены в научный оборот своевременно.

Вместе с тем, специфический материал исследования — а это прежде всего поучения христианских проповедников, русские летописи и произведения древнерусской литературы во всем их своеобразии и неповторимом обаянии — невозможно передать средствами никакого другого языка. Да и русский язык самого В.Й. Мансикки — присущее российскому интеллигенту начала XX столетия искусство владения словом — придает его исследованию особый колорит.

Вот почему представляется правомерной — хотя бы и осуществленная с таким опозданием — публикация труда В.Й. Мансикки «Религия восточных славян. Часть I. Источники» на русском языке.

* * *

Работа печатается по рукописному автографу, хранящемуся в Отделе рукописей и редких книг Славянской библиотеки университета г. Хельсинки (Coll. 143.4). При подготовке к изданию не допускалось никакого вмешательства в авторский текст, кроме приведения его в соответствие современным правилам орфографии, но были сделаны некоторые дополнения. Поскольку публикация книги в переводе на немецкий отражает последнюю авторскую волю В.Й. Мансикки, представлялось возможным включить в данное издание «Предисловие» и «Дополнения» из немецкоязычной публикации книги 1922 г. в переводе на русский язык.

В русской рукописи труда приводится большое число цитат на древнерусском, польском, французском языках, на

латыни. Для данного издания все эти цитаты (кроме древнерусских), в тексте обозначенные (*), переведены на русский (они приводятся в постраничных сносках). Оставлена без изменений система ссылок В.Й. Мансикки на источники, принятая во время написания этой работы (в тексте обозначены арабскими цифрами). Уточненные названия цитируемых им работ даются в «Библиографии». Ссылки на комментарии, помещенные в специальном разделе, обозначены римскими цифрами.

* * *

Подготовка данного издания исследования В. Мансикки была бы невозможна без участия целого ряда ученых, к которым я обращаюсь со словами благодарности.

Первым я считаю своим приятным долгом назвать члена-корреспондента РАН В.М. Гацака.

Работа в архивах и библиотеках г. Хельсинки в течение ряда лет не была бы возможна без постоянной поддержки финских коллег — безвременно ушедшего профессора Лаури Хонко, профессора Академии Финляндии Анны-Леены Сийкалы, профессора Университета Хельсинки, доктора философии, доктора филологических наук, директора Фольклорного архива Финского литературного общества Лаури Харвилаhti, в рамках проекта которого «Текстуализация, этнопоэтика и культурная динамика» велась подготовка книги «Религия восточных славян».

Слова сердечной благодарности я обращаю к работникам Отдела рукописей и редких книг Славянской библиотеки Университета г. Хельсинки, всегда готовым помочь в отыскании нужных документов. Неоценимую и постоянную помощь мне оказывали сотрудники Славянской библиотеки Ирина Лукка и Сара Таласниemi.

Благодарю за ответственную работу по переводу на русский язык цитат ученых ИМЛИ РАН: с польского языка —

доктора филологических наук А.Б. Базилевского, с немецкого — кандидата филологических наук Т.В. Кудрявцеву, с латыни — кандидата филологических наук М.Р. Ненарокову. Кандидат филологических наук Э.Г. Рахимова не только перевела многие материалы для этой книги с финского, но и безотказно консультировала меня по самым разным проблемам истории финской фольклористики. Доцент МГУ кандидат филологических наук Л.О. Мошенская перевела цитаты с французского.

Вместе с библиографом Н.П. Дробышевской кандидат филологических наук Д.С. Менделеева составила «Библиографию».

Невозможно переоценить работу, которую провели при подготовке рукописи труда В.Й. Мансикки к печати, ее комментировании, подготовке научного аппарата сотрудники Института Славяноведения РАН доктор филологических наук С.М. Толстая и доктор исторических наук В.Я. Петрухин. В составлении Приложения 2 приняли участие Т.А. Агапкина и А.Л. Топорков, которым издатели признательны за предоставленные материалы.

Наконец, издание рукописи В. Мансикки было бы невозможно без разрешения сына В. Мансикки — архитектора Микки Модестуса Мансикки.

Рано оставшись без родителей, Микка Модестус смог не только сберечь архив отца, но и передать его в Университет г. Хельсинки, сохранив его для потомков. Сердечное ему спасибо за разрешение опубликовать труд его отца академика В.Й. Мансикки.

А.И. Алиева

СУДЬБА И ТРУДЫ АКАДЕМИКА В.Й. МАНСИККИ (1884–1947)

Исследователям финского фольклора, а также мифологии, религии, фольклора восточных славян, древнерусской литературы и русских народных говоров хорошо известно имя В.Й. Мансикки — крупнейшего слависта начала XX в., труды которого стали публиковаться почти одновременно в Финляндии и в России в начале двадцатого столетия. С 1906 г. работы этого ученого печатались в таких авторитетных финских изданиях, как «Finnisch-ugriscbe Forschungen», «Mémoires de Société Finno-Ougriennne — Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia», «FF Communications», «Tiedeakatemian esitelmät ja pöytäkirjat» («Доклады и протоколы Академии Наук [Финляндии]»), «Kalevalaseuran vuosikirja» («Ежегодник Калевальского общества»), «Studia Fennica», «Mitteilungen des Vereins für finnische Volkskunde» и др.

С 1907 г. статьи, обзоры, рецензии, хроники В.Й. Мансикки появляются и на страницах ведущих российских научных журналов: «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук», «Журнал Министерства Народного Просвещения», «Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Русский филологический вестник».

За 13 лет — с 1909 по 1922 г. — В.Й. Мансикка опубликовал, кроме значительного числа статей, три монографии, освещавшие

щающие сложные и малоизученные проблемы русского фольклора («Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen» / Helsinki: Suomalaisen Tiedeakatemian Kustantamo, J 909), древнерусской литературы («Житие Александра Невского». Разбор редакций и текст // Памятники древней письменности и искусства CLXXX, Петроград, 1913) и религиозных представлений восточных славян («Die Religion der Ostslaven. I. Quellen» // FFC № 43. Helsinki, 1922).

Как и другие финские ученые, на всем протяжении своей научной деятельности В.Й. Мансикка имел возможность заниматься языковедческими и фольклористическими исследованиями в разных европейских странах. До обретения Финляндией в 1918 г. независимости он занимался в архивах и библиотеках Венгрии и Румынии в 1906–1909 гг., в Германии в 1906–1909 гг. и 1913-м, в Дании — в 1913 г. Но больше всего молодой ученый работал в эти годы в России. При поддержке своего учителя К. Крона В.Й. Мансикка получил в 1906 г. стипендию Императорского Александровского университета г. Гельсингфорса, что позволило ему работать в библиотеках и архивах Москвы и Санкт-Петербурга в 1906–1908 гг. над диссертацией, посвященной русским заговорам. Такую же стипендию он получил еще на 1910–1912 гг., а в 1913–1914 и 1916–1918 гг. был стипендиатом Розенберга. В общей сложности В.Й. Мансикка провел в Москве и Петербурге двенадцать лет, и именно в эти годы были созданы и опубликованы преимущественно в центральных российских научных изданиях его основные славистические исследования.

Может возникнуть вопрос: как получилось, что на протяжении 12 лет финский ученый имел возможность работать в архивах и библиотеках двух российских столиц? Более того, он пользовался возможностью выезжать в разные районы Русского Севера для сбора диалектологических и фольклорных материалов. Ему довелось общаться с ведущими русскими

филологами начала XX в. (здесь в первую очередь надо назвать академика А.А. Шахматова, который, как мы дальше увидим, щедро поддерживал молодого ученого). И наконец, В.Й. Мансикка имел возможность оперативно публиковать свои труды в самых авторитетных российских научных изданиях.

Формирование В.Й. Мансикки как ученого и основные вехи его исследовательского пути определил ряд тесно взаимосвязанных факторов и обстоятельств, которые счастливо встретились в судьбе одного человека. Первостепенно значимой предпосылкой можно считать положение Финляндии в составе Российской империи. С этим неразрывно сопрягается тот весомый вклад, который финские ученые внесли в развитие русской академической науки. Начало исследовательской деятельности В.Й. Мансикки приходится на расцвет «финской школы» в фольклористике в начале XX в. Непосредственная принадлежность В.Й. Мансикки к научной школе К. Крона сыграла важнейшую роль и в значительной мере сформировала будущего выдающегося финского слависта как ученого.

Вспомним, что научная деятельность В.Й. Мансикки началась в самом начале XX в. К тому времени Великое княжество Финляндское уже почти столетие (с 1809 г.) входило на правах автономии в состав Российской империи. XIX век стал временем пробуждения национального самосознания финского народа. К его исходу в Финляндии был открыт ряд национальных обществ (Археологическое общество — Suomen Muinaismuistoyhdistys в 1870 г., Финно-Угорское общество — Suomalais-Ugrilainen Seura в 1883 г., Общество народного просвещения — Kansainvalistusseura в 1877 г.). Более того, Финское Литературное Общество (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura — SKS), изначально фокусировавшееся на фиксации фольклорного наследия, было основано по инициативе будущего создателя эпоса «Калевала» Элиаса Лённрота уже 16 февраля 1831 г. Одновременно с этим в России возник интерес к культуре и науке Финляндии, так что научно-культурные взаимодействия

стали развиваться весьма динамично. Достаточно привести только один пример: в начале XX в. членами Финно-Угорского общества стали такие крупнейшие русские ученые, как академики Ф.Е. Корш, В.И. Ламанский, Ф.Ф. Фортунатов, профессора Д.Н. Анучин, Н.Н. Харузин и другие.

Исключительно важную роль в развитии отношений с Финляндией сыграл на протяжении всего XIX-го и в начале XX в. Санкт-Петербург¹; представители разных слоев финского общества находили себе место в Северной столице империи, расположившейся на территории, которую на протяжении 1-го тыс. н.э. населяли преимущественно прибалтийско-финские племена. Петербург в XIX — начале XX в. может быть во многих отношениях признан городом финских писателей, поэтов, художников, композиторов, талантливых ювелиров, работавших в мастерских знаменитого Карла Фаберже. История династии Нобелей, обосновавшейся в Петербурге в 1837 г., также неразрывно связана с историей этого города, как и судьбы финских военных вплоть до генерал-лейтенанта царской армии Карла Густава Эмиля Маннергейма, получавших образование в тамошних военных учебных заведениях.

Но для нас особенно важно, что этот город сыграл важную роль в развитии образования и науки в Финляндии. С одной стороны, система народных школ в этой стране строилась по образцу аналогичной петербургской системы; с другой стороны, для финнов открывались десятки мест стипендиатов в высших учебных заведениях Петербурга. Получение высшего образования открывало финнам путь к занятиям наукой.

Действительными членами Петербургской академии наук был избран ряд финских ученых: исследователь Сибири Эрик Лаксманн (1737–1796), ботаник и энтомолог Кристиан Сте-

¹ Ниронен Ярмо. Финский Петербург. С.-Пб.: «Европейский Дом», 2003; Jarmo Nironen. Suomalainen Pietari kuvina. — Finnish St. Petersburg in Pictures. — Финский Петербург в иллюстрациях. Helsinki: SKS, 2003.

вен (1781–1863), минералог и кристаллограф Аксель Вильгельм Гадолин (1828–1892), математик Андерс Иохан Лекселл. Особое место среди финнов — членов Петербургской академии наук занимает Андерс Иоханн Шёгрэн (Антти Юхана, 1794–1855), по праву признанный основоположником не только финно-угроведения, но и российского академического кавказоведения как специалист по грузинскому, осетинскому, кабардинскому языку и местным диалектам персидского и турецкого языков².

Среди знаменитых финских ученых, работавших в Петербургской академии наук, заслуживает особого упоминания Матиас Александр Кастрен (1813–1852)³, также работавший в Петербурге в Академии наук, чьи труды в области финно-угроведения, тюркологии и монголоведения стали неотъемлемой частью не только финской, но и российской академической науки⁴.

Как видим, финские ученые в XIX — начале XX в. становятся активными и, главное, равноправными участниками научной жизни России. Одно из убедительных тому доказательств — включение К.Ф. Тиандера в состав издательской комиссии, учрежденной для издания сочинений академика Александра Николаевича Веселовского, в которую вошли

² Ethnology in Finland before 1920. By Toivo Vuorela, Honorary Professor, Docent in Finno-Ugric Ethnology at the University of Helsinki, 1977. P. 28–29.

³ Oriental Studies in Finland 1828–1918 by Pentti Aalto, Professor of Comparative Linguistics of the Helsinki University. Helsinki, 1971. P. 83–87.

⁴ Об этом свидетельствует и исключительно бережное отношение Императорской Академии наук к научному наследию этого ученого. Сразу же после ранней (в 39 лет) смерти М. Кастрена Академия поручила академику А. Шифнеру подготовку к печати трудов Кастрена. В рекордно короткий срок — с 1853 по 1861 г. — Шифнер подготовил и издал 12 томов кастреновских «Nordische Reisen und Forschungen» общим объемом в 3829 страниц. В 1927 г. в Ленинграде был издан сборник статей «Памяти М.А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти». В статьях А.Н. Самойловича, Б.Я. Владимирцова, В.Г. Богораза дана высокая оценка трудов Кастрена, посвященных исследованию палеоазиатских, тюркских и монгольских языков.

также Е.В. Аничков, Ф.А. Браун, Алексей Н. Веселовский, А.А. Веселовский, П.О. Морозов, Д.К. Петров, А.А. Шахматов, В.Ф. Шишмарев⁵.

Не менее убедительное свидетельство плодотворной насыщенности российско-финских взаимодействий в гуманитарных науках представляют публикации работ ученых-финнов⁶ или рецензий на их труды⁷ в таких старейших научных российских изданиях, как «Журнал Министерства Народного Просвещения», «Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета» или «Известия Отделения русского языка и словесности АН».

Такое же пристальное внимание работам финских лингвистов и фольклористов уделял журнал «Живая старина»:

⁵ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1907 год. С.-Пб., 1907. С. 15–16.

⁶ Так, только в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в 1901–1910 гг. были опубликованы работы знаменитого финского ученого К.Ф. Тиандера: «О происхождении имени Пермь» // ЖМНП. 1901, февраль. Ч. СССXXXIII. СПб., 1901. С. 16–29; его же. Матиас Кастрен — основатель финнологии // ЖМНП. 1904. Ч. ССCLIII. СПб., 1904. С. 1–69; его же. Культурное пьянство и древнейший алкогольный напиток человечества // ЖМНП. 1908. Новая серия. Ч. XVIII, ноябрь. СПб., 1908. С. 203–258; его же. Город Бирка. Эпизод из шведской истории IX–X вв. // ЖМНП. 1910. Новая серия. Ч. 6, отд. II. С. 225–280; работа В.Мансикки «Представление о «море» в Голубиной книге» // ЖМНП. Новая серия. Ч. XXV. СПб., 1910. С. 275–283.

⁷ В том же «Журнале Министерства Народного Просвещения» были напечатаны рецензии на работы финских ученых: Шишмарев В.Ф. Новые работы по финскому фольклору (по поводу первых книжек *Finnisch-ugrische Forschungen* К. Krohn'a и Е. Setälä) // ЖМНП. 1902, август. СПб., 1902. С. 436–454; Погодин А.А. Гельсингфорсская школа филологов и лингвистов // ЖМНП. 1903. № 7–8. СПб., 1903. С. 128–156; Шестаков Д.П. [Рец. на] K.S. Laurila. Versuch einer Stellungnahme zu den Hauptfragen der Kunstphilosophie. I. Helsingfors, 1903 // ЖМНП. 1904. Ч. ССCLXI. СПб., 1904. С. 168–185; Майков П.М. [Рец. на] Собрание Постановлений Финляндских. Т. 1-И. СПб., 1902–1904 // ЖМНП. 1904. Ч. ССCLXI. СПб., 1904; Браун А.Ф. [Рец. на] К. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море // ЖМНП. Новая серия. Ч. XI. 1907, сентябрь. СПб., 1907. С. 413–432.

здесь в 1896—1916 гг. увидели свет работы К.Ф. Тиандера⁸, А. Аарне⁹, В.Й. Мансикки¹⁰. Очень оперативно появлялись на его страницах и рецензии на работы финских исследователей, написанные как русскими, так и финскими коллегами¹¹.

Но особенно подробно и регулярно освещалась научная жизнь Финляндии в журнале «Этнографическое обозрение», в котором на протяжении всей недолгой истории его существования (1890–1916) не только публиковались¹² и рецензировались¹³ труды финских исследователей, но и рас-

⁸ Тиандер К. Заметки по сравнительному изучению народно-эпического стиля // Живая старина. 1896. Вып. II. С. 202–225.

⁹ Аарне А. Несколько параллелей финских сказок с русскими и прочими славянскими // Живая Старина. 1898. Вып. I. Отд. II. С. 105–110; его же. Финские сказки // Живая Старина. 1901. Вып. I. Отд. II. СПб., 1901. С. 75–80.

¹⁰ Мансикка В. Представители злого начала в русских заговорах // Живая Старина. 1909. Вып. 4. С. 1–30; его же. Заговоры Шенкурского уезда // Живая Старина. 1912. Вып. I. СПб., 1912. С. 125–136. См. приложение к данному изданию.

¹¹ Соболевский А.И. [Рец. на]: J. Mikkola. BerUhiungen zwischenden Westfinnischen und Slavischen Sprachen // Живая Старина. Вып. III. СПб., 1893. С. 400–401; Мансикка В. [Рец. на] Antti Aarne. Vergleichende Marchenforschungen // Там же. 1908. Вып. IV. СПб., 1909. С. 513–515; Зеленин Дм. [Рец. на] Leitfaden der vergleichenden Marchenforschungen von Antti Aarne // Там же. 1912. Вып. II–IV. Пгр., 1914. С. 508–512; Малов С. [Рец. на] C.G. Mannerheim. A visit to the Saro and Schera jogurs. Hels., 1911 // Там же. 1912. СПб., 1912; Мансикка В. Из финской этнографической литературы // Там же. 1916. Вып. II–III. Пгр., 1917. С. 199–231.

¹² Так, в «Этнографическом обозрении» были напечатаны работы В. Мансикки: Алеша Попович и Иван Годинович в Финляндии // ЭО. 1907. Кн. LXXIV. С. 28–41; его же. Финские варианты к дуалистической легенде о сотворении мира // ЭО. Кн. LXXXI–LXXXII. №2–3. 1909. С. 170–172.

¹³ Н.Т. [Рец. на] V.J. Mansikka. Das Lied von Ogoi und Hovatitsa // ЭО. 1907. № 3. С. 124–125; Е.Е. [Рец. на]: V.J. Mansikka. Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen. Helsinki, 1909 // ЭО. 1909. № 1. С. 77–79; Гордлевский Вл. [Рец. на] Elias LÖhnrots svenska skrifter utgifna af Jenny af Forselles // ЭО. 1909. № 1. С. 80–81; Е.Е. [Рец. на] В. Мансикка. Представители злого начала в русских заговорах («Живая Старина», IV, 1909) // ЭО. 1909. №2–3. С. 226–228; Е.Е. [Рец. на] Antti Aarne. Die Zaubergaben. Marchenuntersuhung. Helsingfors (Journal de la Soc. Finno-Ougrienne, XXVII) // ЭО. 1909. №4. С. 119–120; Е.Е. [Рец. на] В. Мансикка. Представление о «море»

сказывалось (в разделе «Хроника») о важнейших событиях культурной и научной жизни Финляндии¹⁴.

Особенно подробно (и всегда доброжелательно) в «Этнографическом обозрении», как и в других научных российских изданиях, рецензировались такие авторитетные финские издания, как «Suomalais-Ugrilaisen seuran Toimituksia» («Мемуары финно-угорского общества»)¹⁵ и «Finnisch-ugrische Forschungen»¹⁶.

На страницах русской научной периодики подробно освещалась история возникновения такой теперь общепризнанной и авторитетнейшей серии фольклористических трудов,

в Голубиной книге // ЭО. 1910. № 1-2. С. 199; Гордлевский Вл. [Рец. на] Hembygden. Tidskrift för Svensk folkkunskap och hembygdsforskning i Finland. Helsinki, 1909–1910. Heft 1–24 // ЭО. 1910. № 3–4. С. 201–202; Богданов Вл. [Рец. на] Каннисто, Артур. О драматическом искусстве у вогул // ЭО. 1911. № 3–4. С. 237–242; Е.Е. [Рец. на] Antti Aarne. Finnische Märchenvarianten // ЭО. 1911. № 3–4. С. 223–225; Богданов Вл. [Рец. на] J.I. Mikkola. Altfo, uiskoi «fährfot» (F.-U-F., В. XIII. С. 138–139) // ЭО. 1912. № 3–4. С. 138–139; Каннисто Артур. По поводу критики на статью «О драматическом искусстве у вогул» // ЭО. 1912. № 3–4. М., 1913. С. 145–152; Богданов Вл. К заметке г. Каннисто // Там же. С. 152–153; Е.Е. [Рец. на] Antti Aarne. Schwänke liber schwerhörige Menschen. Eine vergleichende Untersuhung. FFC № 21. Hamina, 1915 // ЭО. 1915. № 1-2. С. 145; Богданов Вл. [Рец. на] A.M. Tallgren. Collection Zaoussailov au Musée Historique de Finlande, a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916 // ЭО. 1916. № 1–2. С. 98–102; Гордлевский Вл. [Рец. на] Antti Aarne. Vertailevia arvoitustutkimuksia // ЭО. 1916. № 3–4. С. 166; Гордлевский Вл. [Рец. на] Folkloristiska och Etnografiska Studier. I. Helsingfors, 1916 // ЭО. 1916. № 3–4. С. 163–164; Гордлевский Вл. [Рец. на] Finlands svenska folkdiktning. I. A. Sagor, referatsamling. Första bandet, utgivet av Oskar Hackman. Helsingfors, 1917 // Там же. С. 164–165.

¹⁴ ЭО. 1900. № 4. С. 176–177; ЭО. 1901. № 1. С. 192–193; ЭО, 1903. № 2. С. 192–193; ЭО. 1908, № 3. С. 194; ЭО. 1908. № 4. С. 189–190; ЭО. 1914. № 3–4. С. 224–225.

¹⁵ В статье «Мемуары финно-угорского общества» (Suomalais-Ugrilaisen seuran Toimituksia) // ЭО. 1908. № 1–2. С. 225–227 приводится краткий перечень трудов, которые вошли в 25 томов этой серии, изданных с 1883 г.

¹⁶ Рецензии на первые два выпуска этого издания, появившиеся в 1901 г., были опубликованы в конце 1901 г. в «Этнографическом обозрении» № 4, с. 153–158 и в 1902 г. — в ЖМНП. 1902, август, СПб., 1902. С. 436–454.

как «Folklore Fellows Communications» (FFC), высоко оценивались первые ее выпуски¹⁷.

Русские ученые не просто внимательно следили за развитием научной мысли в Финляндии — они всячески помогали финским коллегам в получении стипендий от Академии наук или от Императорских университетов (публикации работ М.А. Кастрена, О. Доннера, Х. Паасонена, У. Холмберга (Харва), К.Ф. Тиандера, В.Й. Мансикки и других сопровождается обязательное упоминание о такой стипендии), а также хлопотали о том, чтобы финно-угроведение заняло достойное место в российской науке, не говоря уже о продвижении преподавания финно-угроведческих дисциплин в высших учебных заведениях, прежде всего в Московском, С.-Петербургском и Казанском университетах. Свидетельство тому, например, обращение в 1912 году ряда выдающихся российских ученых — И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.А. Брауна, С.К. Булича, К.Г. Залемана, С.Ф. Ольденбурга и А.А. Шахматова — в Императорскую Академию наук с запиской «О мерах к обеспечению преподавания и изучения финно-угорских языков в России»¹⁸.

Как видим, в начале XX в. финская наука развивалась в теснейшем взаимодействии с русской академической наукой, которая, впрочем, вбирала в себя и щедро помогала многим, казалось бы, иноземным ученым, работавшим в ее русле.

Второе из отмененных выше обстоятельств, определивших научную судьбу В.Й. Мансикки, — его принадлежность к научной школе историко-географического метода, которую возглавлял знаменитый Каарле Крон (Kaarle Krohn, 1863–1933).

¹⁷ Е.Е. Союзисследователей фольклора «Ф.Ф.» // ЭО. 1907. № 3. С. 154–157; Гордлевский Вл. [Рец. на] FF Communications, edited for the Folklore Fellows by I. Bolte, K. Krohn, A. Olrik, C. von Sydow. № 1–4. Helsinki, 1911 // ЭО. 1911. № 1–2. С. 258–260.

¹⁸ О мерах к обеспечению преподавания и изучения финно-угорских языков в России... // ЭО. 1912. № 1–2. С. 293.

Под несомненным влиянием этого ученого создавали свои исследования представители нового поколения, пришедшего в финскую фольклористику на рубеже XIX–XX вв. или в самом начале века двадцатого. Это были М. Варонен (Matti Varonen, 1861–1911), К.А. Франссилла (K.A. Franssila, 1869–1950), О. Каллас (Oskar Kallas, 1868–1946), О. Хакман (Oskar Hackman, 1868–1922), К. Левон (Kaarlo Levón, 1867–1936), Й.В. Ювелиус (J.W. Juvelius, 1863–1927), О.Й. Бруммер (O.J. Brummer, 1878–1944), Ф.А. Хэстэско (F.A. Hastesko, позже подписывавший свои труды фамилией в переводе на финский язык: Hesperauta, 1879–1944), А.Р. Ниemi (Aukusti Robert Niemi, 1869–1931), А.В. Рантаcало (A.V. Rantasalo, 1881–1961), К.Ф. Карьялайнен (Kustaa F. Karjalainen, 1871–1919), Е.Н. Сетэлэ (E.N. Setälä, 1864–1935) и другие.

Особое место среди учеников К. Крона занимает А. Аарне (Antti Aarne, 1867–1925) — создатель указателя сказочных сюжетов, получившего международное признание, и У. Харва, до 1927 г. — Холмберг [Uno Harva (Holmberg), 1882–1949 — автор фундаментальных исследований мифологии финно-угорских народов, а также В.Й. Мансикка (Viljo Johannes Mansikka) — Вильо Петрович Мансикка, как уважительно обращались к нему российские коллеги. Этому ученому принадлежит особое место в истории не только финской, но и российской фольклористики XX столетия. С одной стороны, В.Й. Мансикка предпринимал свои научные исследования в магистральном русле финской фольклористики. С другой стороны, актуальнейшую для своего времени теоретическую проблематику он разрабатывал преимущественно на славянском материале, с широким привлечением не только литературы и фольклора западных и южных славян, но и с учетом данных по народной культуре других европейских наций. И вероятно, именно такая ориентация ученого позволила ему вслед за К. Кроном серьезно заняться сравнительным методом — сопоставительным изучением фольклора славянских и финно-угорских народов.

Синтезирующая многодисциплинарность сферы научных занятий В.Й. Мансикки определила и своеобразие его места в истории и финской, и российской академической науки первой половины XX в. Исследователи древнерусской литературы, русских народных говоров, религии восточных славян и заговоров всегда ссылаются на его работы в этих областях. При историографическом описании развития финской фольклористики исследователи справедливо подчеркивают, что «Mansikka represented a special and a very important field in Finnish folklore research»¹⁹.

Однако до сих пор не существует исследования, в котором жизненный путь и научное наследие В.Й. Мансикки были бы охарактеризованы во всей полноте.

Большинство существующих на финском языке исследований представляют собой лишь развернутые некрологи²⁰, а последнее из них опубликовано в издании «Сто лет финской фольклористики»²¹.

Попытаемся восполнить этот пробел, опираясь не только на опубликованные труды ученого (книги, статьи, рецензии на труды коллег), но и на документы, хранящиеся в его личном архиве. Это прежде всего «Список достижений В.Мансикки», составленный им самим (то, что теперь принято называть Curriculum vitae), а также рукописи его неизданных работ и черновые материалы, которые позволяют составить представление не только о том, над чем работал ученый, но и

¹⁹ Finnish folklore research 1828–1918. By Jouko Hautala, Professor of Finnish and Comparative folklore research, Helsinki University. Helsinki, 1968. P. 147.

²⁰ Sulo Haltsonen. V.J. Mansikka 60-vuotias. Virittaja; V.J. Mansikka. Lud 38. 1948; Martti Haavio. Viljo Johannes Mansikka. — Suomalaisen tiedeakatемian esitelmät ja pöytäkirjat 1947; Sitzungberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1947. 1949.

²¹ Pekka Hakamies. Viljo Johannes Mansikka // Sata vuotta suomalaista folkloristiikkaa. Helsingin yliopiston folkloristiikan laitoksen toimite 9. Toim. Eeva-Liisa Kinnunen. Helsinki, 1991. S. 25–31.

понять, почему некоторые его замыслы остались неосуществленными²².

В.Й. Мансикка родился 7 октября 1884 г. в г. Выборге в купеческой семье. 3 июня 1903 г. он окончил классический лицей г. Выборга, в 1905 г. — Гельсингфорсский Александровский Университет и получил степень, соответствующую бакалавру, — стал кандидатом философии.

Как и другие ученики К. Крона, В.Й. Мансикка обратился к изучению устной народной поэзии. Но если А. Аарне вслед за учителем посвятил себя изучению сказок, то Мансикка, как и другие ученики этого великого фольклориста, оказался под несомненным влиянием его работы, посвященной проблеме возникновения заговоров²³, опубликованной в 1901–1902 гг. (с концепцией этой работы еще до ее опубликования решительно дискутировал известный финский фольклорист А.Р. Ниemi)²⁴.

Возможно, что именно стремление подтвердить концепцию учителя анализом конкретного материала заговоров и обусловило появление диссертационных исследований двух учеников К. Крона — К. Левона²⁵ и И.В. Ювелиуса²⁶. Вслед

²² «Список достижений» (Ansioluettelo) включает краткую автобиографию ученого и библиографию его трудов, которая, видимо, постоянно пополнялась: почерк автора на первых и последних страницах этого документа существенно различается. См.: Отдел рукописей и редких книг Славянской библиотеки Университета г. Хельсинки. Coll. 143.1. JL 1–10. Перевод с финского Э.Г. Рахимовой.

²³ Krohn K. Wo und wann entstanden die finnischen Zaubervlieder? // Finnisch-ugrische Forschungen. Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde nebst Anzeiger № 1. Helsingfors, 1901. S. 52–72, 147–181. no. 2. Helsingfors. S. 106–108.

²⁴ Niemi A.R. Loitsurunoutemme synnystä (О возникновении нашей заговорной поэзии) // Virittaja, 1899. S. 49–62. Ср.: Finnish folklore research 1828–1918. P. 118.

²⁵ Levón Kaarlo. Tutkimuksia loitsurunojen alalta. Verensulkusanat ja raudan sanat (Исследования заговоров: слова для остановки крови, слова от железа). Диссертация. Tampere, 1904.

²⁶ Juvelius J.W. Lansi-Suomen kaarmeen loitsut (Заговоры от змей в Западной Финляндии). Диссертация. Turku, 1906.

за ними к изучению финно-угорских заговоров обратились О.Й. Бруммер²⁷, Ф.А. Хэстэско²⁸ и В.Й. Мансикка, почти одновременно готовившие свои диссертации.

В 1906 г. Александровский стипендиат В.Й. Мансикка приехал в Санкт-Петербург для работы над своими исследованиями, уже состоявшимися как автор обширной статьи «Das Lied von Ogoi und Hovatitsa», опубликованной в получившем признание научной общественности периодическом издании «Finnisch-ugrische Forschungen»²⁹.

В этой статье В.Й. Мансикка вслед за Ю. Кроном³⁰ и К.А. Франсилой³¹ исследует проблему финско-русских фольклорных связей на материале финской песни о девушке Огой, ее брате и юноше Ховатица. Для анализа ученый отобрал в Архиве Финского литературного общества десять вариантов этой песни, записанной в трех приграничных карельских приходах: Суйстамо, Импилахти и Суоярви, где она только и бытовала. Причем, как особо подчеркивает автор, он выбрал прежде всего записи, сделанные «с большим перерывом» («in recht grossen zwischenraumen») — в 1846, 1884, 1900 гг., а также в 1847 и 1901 г. Все тексты зафиксировали авторитетные

²⁷ Brummer O.J. Ober die Bannungsorte der finnischen Zaubерlieder // Mémoires de la Société Finno-ougrienne. 28. Helsingfors, 1908; его же. Koin sanat Lansi-Suomessa (Слова от язв в Западной Финляндии) // Suomi IV: 6, 3. С. 94–131. Helsinki, 1909.

²⁸ Hästeskö F.A. Lansi-suomalaiset tautien loitsut (Западно-финские заговоры против болезней) // Suomi IV: 9, 1. Helsinki, 1910 (и диссертация).

²⁹ Mansikka V.J. Das Lied von Ogoi und Hovatitsa (Veröffentlichungen des folklörischen Seminars) // Finnisch-ugrische Forschungen. Zeitschrift für Finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde. Unter Mitwirkung von Fachgenossen herausgegeben von E.N. Setaia und Kaarle Krohn. Sechster Band. 1906. Helsingfors; Leipzig. S. 40–65.

³⁰ Krohn Julius. Suomalaisen Kirjallisuuden historia I. Kalevala (История финской литературы. I. Калевала). Helsinki, 1885. S. 347–350.

³¹ Franssila K.A. Kansanrunouden tutkimuksia I. Iso tammi liitteineen (Исследования народной поэзии. I. Большой дуб). Suomi III: 18. Helsinki, 1900.

финские собиратели: D.E.D. Europaeus, Fr. Polén, Hj. Basilier, Iivo Härkönen, O. Relander³².

В.Й. Мансикка провел поистине филигранный анализ всех десяти вариантов финской песни в сопоставлении с отдельными мотивами, эпизодами, характеристиками персонажей былин об Алеше Поповиче и братьях Сбродовичах, Хотене Блудовиче, Иване Гоудиновиче, с балладными песнями о вдове, пропившей свою дочь, и с русскими апокрифическими духовными стихами о крещении младенца Иисуса Христа, установив за счет этого, что в мотиве имянаречения имени финской песни взяты из православного календаря. В то же время песня об Огой и Ховатице была систематически сопоставлена с карело-финскими песнями калевальской метрики («Выкуп девицы» — *Lunastettava neito*) и с распространенным мотивом «Песенных саней» (*Runoreki*).

В ходе анализа В.Й. Мансикка установил, что в основе финской баллады лежат мотивы всех названных выше произведений русского фольклора, которые органично соединились с мотивами финских народных песен. Творческий синтез несводим к простой механической контаминации сюжетных элементов (мотивов и эпизодов) — в тексте песни соединились

³² Записи, сделанные в течение второй половины XIX века, а также Ахтия в 1908 г., Вьяйсяненем в 1917-м, были позднее, в 1931 г., опубликованы в книге 2 «приладожско-карельского» раздела VII финского дефинитивного издания рун «калевальской метрики» — *Suomen kansan vanhat runot* (Древние руны финского народа): SKVR VII. 2, издававшегося в рамках серии *Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia* под номером SKST 143, редактором тома А.Р. Ниemi: SKVR VII. 2. *Raja-ja Pohjois-Karjalan Runot. Muita kertovaisia runoja* [Toisinnot 934–1480]. Варианты руны на этот сюжет составили менее 10 номеров с 1303 по 1313, считая повторные записи от того же исполнителя. Часть вариантов, особенно относящиеся к суоярвскому приходу: записанные И. Хяркконеном, Ахтия и Вьяйсяненем от Васси Григорьевны Харакка в д. Куйкканиеми № 1311, а, б, и Басилиером от Ирины Богдановой из Кодаярви № 1310, — отчетливо запечатлели ливвиковские диалектные черты, отличающиеся от саво-карельского диалекта лютеранских исполнителей из Приладжья. Данные о публикации сообщила Э.Г. Рахимова.

более мелкие компоненты песенной фактуры, что ученый проследил на самых разных уровнях сложившейся художественной системы, обнаружив: «Aus diesem Chaos ist schliesslich ein einheitliches ganzes erwachsen» — «Из этого хаоса в конце концов выросло единое целое»³³.

Молодому ученому удастся логически стройно обрисовать динамику бытования этой песни во времени — от гипотетического в духе постулатов историко-географического метода складывания безымянным певцом из разрозненных элементов через отшлифованное устным бытованием разнообразие вариантов к постепенной деформации и угасанию ее бытования.

Уже в третьем номере «Этнографического обозрения» была опубликована рецензия семнадцатилетнего Н.С. Трубецкого (который только еще готовился к поступлению на историко-филологический факультет Московского университета) на эту работу В.Й. Мансикки. Отметив, что «движение к изучению финской народной поэзии в связи с русской сильно проникает в среду финских ученых, и талантливым представителем этого направления является молодой финский исследователь Вильо Мансикка», Трубецкой дает краткую аналитическую характеристику этой работы и в заключение особо подчеркивает: «Но для нас, русских, статья В. Мансикки имеет и специальный интерес, как еще новый опыт сравнительного изучения, на которое наши русские ученые смотрят, к сожалению, слишком пренебрежительно»^{34*}.

Как мы увидим дальше, Н.С. Трубецкого и В.Й. Мансикку всю жизнь будут связывать дружеские отношения, основанные на общности научных интересов.

³³ Mansikka V.J. Das Lied von Ogoi und Hovatitsa... S. 64.

³⁴ Н.Т. [Рец. на] V.J. Mansikka. Das Lied von Ogoi und Hovatitsa (Veröffentlichungen des folkloristischen Seminars) // Finnisch-ugrische Forschungen, 1906 J., B. VI, H. I. S. 40–65 // Этнографическое обозрение. 1907. № 3. М., 1907. С. 124–125.

В том же самом номере «Этнографического обозрения», где напечатана рецензия Н.С. Трубецкого, увидела свет статья В.Й. Мансикки «Алеша Попович и Иван Годинович в Финляндии», представляющая собою русский вариант работы «Das Lied von Ogoi und Novatitsa», чего не скрывает и сам автор³⁵, отсылая читателя к более подробному анализу тех или иных положений в публикации в «Finnisch-ugrische Forschungen».

По сравнению с немецкоязычным русскоязычный вариант статьи подвергся значительной переработке: здесь не повторяется анализ песенного текста, главное место отведено аргументированному изложению результатов исследования. Поскольку статья адресована представителям другой научной школы, чем финская, В.Й. Мансикка не просто характеризует материал своего исследования, но прежде всего четко формулирует методологические принципы, которым он следует как сторонник географического метода (иногда он именует его сравнительно-географическим, иногда — историко-географическим). Это прежде всего убежденность, что для исследователя устной народной поэзии необходимо обращение к сделанным в пределах одной территории в разное время записям одного и того же произведения, чтобы проследить в динамике историю его формирования и развития:

«Географический метод, применение которого возможно там, где имеются записи, сделанные в разные времена из каждого прихода, даже селения, показывают наглядным образом, как происходит постепенный рост какой-нибудь песни приставлением к ней сказителем стереотипных строф и целых выражений, путем заимствования из готового песенного запаса или сочинением новых стихов, по смыслу подходящих и необходимых»³⁶.

³⁵ Этнографическое обозрение. 1907. № 7. С. 28–41.

³⁶ Мансикка В.Й. Алеша Попович и Иван Годинович в Финляндии // ЭО. № 3. 1907. С. 30.

Написанная на основе статьи «Das Lied von Ogoi und Novatitsa» статья «Алеша Попович и Иван Годинович в Финляндии», наряду с тонкой тщательностью предметного филологического анализа финской песенной традиции, обогатилась теоретическими выводами о путях сравнительно-исторического изучения финско-русских фольклорных взаимосвязей. В этом «нередко открываются заманчивые перспективы сближения, любопытных параллелей с произведениями русской народной словесности, но научное решение их может только основываться на почве реальных данных, необходимых для серьезных выводов»³⁷ (курсив мой. — А.А.). Эти установки убедительно подтверждаются обобщенными результатами проведенного автором исследования.

Но основное внимание В.Й. Мансикки в 1906–1908 гг. было обращено к исследованию заговоров, результаты которого были изложены в статьях, опубликованных в российских научных изданиях³⁸, а затем обобщены в книге «Über Russische Zaubersprüche mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen», опубликованной в 1909 г. и в том же году защищенной в качестве диссертации.

Подчеркивая, как мы увидим, в своей трактовке заговорно-заклинательной поэзии славян христианскую апокрифическую составляющую, христианским элементам он уделял в те годы большое внимание и при обращении к мотивам карело-финской эпической поэзии³⁹.

³⁷ Мансикка В.Й. Алеша Попович и Иван Годинович... С. 28.

³⁸ Мансикка В.Й. К изучению заговоров (Заметка по поводу недавно появившейся книги А.В.Ветухова) // Известия ОРЯС. Т. XIII. Кн. 3–4. С.-Пб., 1908. С. 376–383; Мансикка В. [Рец. на] Н.Н.Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. 1-й. С.-Пб., 1908–1909; Мансикка В. Представители злого начала в русских заговорах // Живая старина. Вып. IV. С.-Пб., 1909. С. 1–30.

³⁹ Mansikka V.J. Kleinere Beiträge zur Balder-Lemminkäinen Frage // Finnisch-ugrische Forschungen VIII. Helsingfors, 1908; его же: Ristinpäulegenda ja suomalaisen runo Isosta Tammesta (Легенда о Крестном древе и финская руна

Как указывает сам автор в «Предисловии» к труду о заговорах, книга первоначально задумывалась как исследование заговоров против кровотечения и от вывихов на финно-угорском материале, но возможность систематического привлечения русских архивных материалов (ученый, имевший доступ к книжным фондам в обеих столицах, работал в архивах Императорской Академии наук и Публичной Библиотеки в Санкт-Петербурге, Румянцевской библиотеки, Этнографического общества и библиотеки Св. Синода в Москве) заставила его внести коррективы в свой замысел. Книга получила название «О русских заговорных формулах. С учетом заговоров на кровь и от вывихов». В ней финно-угорский пласт фольклорных материалов привлечен в сравнительном плане (наряду со шведскими, норвежскими, немецкими, латышскими, польскими, украинскими, белорусскими, сербскими, хорватскими, болгарскими, цыганскими, румынскими изустными записями, позволяющими составить представление «о всей европейской народной традиции», а также с привлечением письменных памятников: западноевропейских лечебников и евангельских текстов.

Правда, специальное внимание финно-угорским заговорам уделено в завершающем книгу «Финно-угорском приложении»⁴⁰, в котором анализируются заговорно-заклинательные тексты, записанные от финнов, карелов, вепсов, мордвы, марийцев (до революции именовавшихся «черемисами»), удмуртов («вотяков»). В своих убедительных и предметно аргументированных построениях В.Й. Мансикка, по его собственному признанию, исходит из гипотезы своего учителя: «Den Grund zu einer gedeihlichen Durchforschung der finnisch-ugrischen Zauberformlen hat K.Krohn gelegt mit seiner gelehrten

о Большом дубе) // Suomalaisen Tiedeakatemia esitelmät ja pöytäkirjat. 1909. № 1. S. 179–200.

⁴⁰ Mansikka V.J. Über Russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen. S. 289–305.

Studie, in der er über die Existenz einer gemeinschaftlichen finnischen Zauberspruchpoesie zu einem negativen Resultat gelangt und zugleich den Gedanken ausspricht, dass die Formeln der in Russland ansässigen Völker finnischen Stammes von den Russen übernommen seien. Unsere Aufgabe wird es hier sein diese Ansicht durch neue Tatsachen zu stützen»⁴¹.

Но основное место в книге занимает исследование заговоров «славяно-русских» (Slavisch-russischen), по терминологии самого ученого. На основе проделанного анализа он стремится доказать, что заговорная традиция не ведет свое начало с языческих времен, что источником эпических элементов в заговорах не являются эпизоды из жизни дохристианских божеств, которых затем вытеснили христианские святые. Исходным пунктом работы В.Й. Мансикки служило программное для историко-географического метода убеждение, что заговоры, оформившиеся и записанные в христианскую эпоху, испытали влияние знатоков библейской, апокрифической и духовной символики⁴².

Анализируя сюжеты и мотивы заговоров (от детского плача, встреча с чертом, о «чудесном» мужике, о падении с неба некоего существа), В.Й. Мансикка выявил их источники —

⁴¹ *Mansikka V.J.* Über Russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen. S. 299: «Основы изучения финно-угорских заговоров заложил К. Крон в своем исследовании, в котором он приходит к отрицательным выводам относительно существования общешинской заклинательной поэзии и одновременно высказывает мысль о том, что формулы родственных с финским коренных народов России были заимствованы у русских. Наша задача — подкрепить эту точку зрения новыми фактами».

⁴² Примечательно, что по поводу проявившегося у Каарле Крона аналогичного стремления усматривать апокрифические источники в мотиве ранения колена Вяйнямёйнена из героико-мифологической руны в своей работе 2004 г. Лаури Харвилаhti говорит о неподтвержденности этой гипотезы и необходимости сфокусировать внимание на синхронном анализе текстов руны: Харвилаhti Л. Синхронное и диахронное видение калевальского песенного эпоса // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Гацака. Ред. А.И. Алиева, В.А. Бахтина, Э.Г. Рахимова. М.: Наука, 2004. С. 407.

различные апокрифы. Так, он считает, что «мотив заговора “встреча со злым существом”» был создан под влиянием апокрифа «Прение Господа с Дьяволом», в основе мотива появления «чудесного мужика» лежит апокриф «Как Христос плугом орал», а заговорные формулы «на кровь» возникли под влиянием апокрифов об убиении Захарии, кровь которого окаменела, и о ранах распятого Христа.

В.Й. Мансикка попытался отыскать упоминание о языческих богах не только в сюжетах и мотивах заговоров, но и в эпических формулах, однако и здесь «выявил исключительно христианские, апокрифические, близкие к преданиям представления. Все, что имело более глубокое значение в жизни Христа, нашло отражение в заговорах»⁴³.

Вместе с тем ученый проследил и западное влияние на заговоры, выявив источники различных подробностей в латинских лечебных молитвах, немецких молитвах-напутствиях путешественнику, привел многочисленные примеры из западно- и восточноевропейских лечебников, в которых заговоры фиксировались начиная с XIII в.

Следует особо сказать о «Введении» к работе В.Й. Мансикки. Оно представляет собой источниковедческую и историографическую главу, в которой изложена история публикации и изучения русских заговоров. Но это историографическое введение только на первый взгляд. На самом деле В.Й. Мансикка — один из немногих исследователей того времени, кто рассмотрел историю русской фольклористики в контексте фольклористики европейской, проследив влияние немецкой историко-филологической школы (братьев Гримм, Куна, Шварца, М. Мюллера) на российских ученых, специально очертив эволюцию их взглядов на жанр заговора. Характеристики, которые В.Й. Мансикка дал работам Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, Н.В. Крушевского и даже А.А. Потебни

⁴³ *Mansikka V.J. Über russische Zauberformeln...* С. 97–98.

и А.Н. Веселовского, пусть даже в них проявились юношеский максимализм и категоричность суждений, основаны, однако, на глубоком и вдумчивом знании предмета.

Совершенно закономерно, что работа В.Й. Мансикки, посвященная заговорной поэзии, получила теплый прием как в Финляндии, где она была защищена в качестве диссертации, так и в России, где была опубликована на нее одобрительная рецензия⁴⁴.

На 1910–1912 гг. В.Й. Мансикка вновь удостоился чести стать Александровским стипендиатом, т.е. получил стипендию от Александровского Гельсингфорсского университета, а на 1913–1914 гг. — стипендию Розенберга. Это позволило ему еще более интенсивно продолжать свои исследования в России, где, как писал он сам, «всюду встретил дружеское к себе расположение».

В эти годы ученый публикует преимущественно в научной периодической печати Финляндии ряд работ, посвященных финно-угорским заговорам, иным мифологическим и легендарным представлениям финнов⁴⁵ и отдельным сюжетам в повествовательных и лирических рунах «калевалской метрики»⁴⁶. Об этом свидетельствует перечень его основных журнальных публикаций в 1909–1915 гг.

⁴⁴ Е.Е. [Рец. на] V.J. Mansikka. Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen. Helsinki, 1909. // ЭО. 1909. № 1. С. 77–79.

⁴⁵ Mansikka V.J. Ensimmäisistä kristillisistä amuleteista (О первых христианских амулетах) // Historiallinen Aikakauskirja 7, 1909. IV, 137–147; его же. Piritys < Spiritus (О происхождении образа Пиритюса от Спиритуса) // Virittäjä 14, 1910, 137–139; его же. Der Blaue Stein in der finnischen Volkstradition // Finnisch-ugrische Forschungen XI, I. — 22; его же. Taikojen aarraitasta (Из сокровищницы колдовских действий) // Virittäjä 18, 1914, 57–67.

⁴⁶ Mansikka V.J. Legendat ihmeellisestä sunnynnäytelmästä (Легенды о чудесном рождении) // Kaukomieli IV; Mansikka V.J. Lauluaihe Kaukaa näkyvästä kylästä (Песенная тема видной издалека деревни) // Virittäjä 14, 1910, s. 82–85; его же. Laulu hirsin Kylvöstä (Песня о посеве проса) // Virittäjä 14, 1910, s. 139–140; его же. Runo Vellamon neidon onginnasta (Руна о выуживании Девы Велламо) // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja 30:21, 1–4, 1913–1918.

Содержание

Habent sua fata libelli. А.И. Алиева.	5
СУДЬБА И ТРУДЫ АКАДЕМИКА	
В.Й. МАНСИККИ (1884–1947). А.И. Алиева.	12
ТРУДЫ В.Й. МАНСИККИ В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ	
СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА. В.Я. Петрухин, С.М. Толстая ...	59
РЕЛИГИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН. В.Й. Мансикка.	72
Предисловие. Перевод с немецкого Т.В. Кудрявцевой.	72
Источники.	74
Археологический материал.	74
Летописи.	91
Из польских хроник.	169
Слова, поучения и послания, направленные против язычества.	177
Древнерусское церковное законодательство и исповедная дисциплина.	250
Сведения других памятников древнерусской письменности.	284
Свидетельства иностранных писателей.	313
Дополнения.	379
О богах летописи.	379
Комментарии.	403
Археологический материал.	403
Летописи.	408
Из польских хроник.	419
Слова, поучения и послания, направленные против язычества.	420
Древнерусское церковное законодательство и исповедная дисциплина.	429

Сведения других памятников древнерусской письменности...	434
Свидетельства иностранных писателей	439
Дополнения. О богах летописи	443
Список сокращений	448
Библиография	449
Приложение 1	472
<i>Е.В. Аничков. Последние работы по славянским</i> <i>религиозным древностям</i>	472
<i>Е. Кагаров. Рецензия на книгу В.Й. Мансикки</i> <i>«Die Religion der Ostslaven»</i>	531
Приложение 2	535
<i>А.А. Топорков. К 100-летию со дня выхода в свет книги</i> <i>В. Мансикки «Über russische Zauberformeln mit</i> <i>Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen»</i>	535
<i>В. Мансикка. Статьи по религии восточных славян</i>	557
Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии....	557
Заговоры Шенкурского уезда	618
Древнеславянское оплакивание покойников.....	633
Представители злого начала в русских заговорах.....	650
Финские варианты к дуалистической легенде	
о сотворении мира.	681

Переводы цитат: с немецкого — Т.В. Кудрявцевой, с латыни — М.Р. Ненароковой, с финского — Э.Г. Рахимовой, с французского — Л.О. Мошенской, с греческого — Л.В. Луховицкого, с немецкого — П.В. Петрухина, с польского — А.Б. Базилевского, С.М. Толстой, с чешского — М.М. Валенцовой, с болгарского и сербскохорватского — С.М. Толстой.